



# Личность в контексте культуры

Наталья Осухова

## ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИЯХ ОТСРОЧЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ КРИЗИСА

**Аннотация:** Обсуждается развитие идеи психологического сопровождения в науках о человеке и практике психологической помощи. Утверждается, что с разработкой теории психологического сопровождения связана одна из главных «точек роста» практики психологической помощи людям, неконструктивно пережившим кризис.

**Ключевые слова:** психологическое сопровождение; личность; теория и практика психологической помощи; значимый другой; содействие; взаимодействие; развитие; кризис; отсроченные последствия кризиса.

**Annotation:** Development of idea of support in sciences about the person and practice of a psychological aid is discussed. It is claimed that one of main «growth points» of psychological assistance practice to the people who haven't structurally survived crisis is connecting with development of the theory of psychological support.

**Keywords:** psychological support; personality; theory and practice of a psychological aid; significant other; assistance; interaction; development; crisis; the delayed consequences of crisis.

Сегодня за рубежом и в России интенсивно развивается практика психологической помощи, получившая название «психологическое сопровождение». В чем сущность этой практики? Уместна ли она при работе с людьми, неконструктивно пережившими кризис?

Представление  
о кризисе

Как известно, контекст бытия личности в социальных условиях является по своей феноменологической сущности экстремальным: в социуме происходит множество событий, которые могут травмировать человека и «запустить» кризис.

Слово «кризис» (от греч. «krisis» – решение, суд, исход) в словарях принято определять как «перелом, переворот, решительную пору переходного состояния» [1, с. 194]; «тяжелое *переходное состояние*, ведущее к радикальному изменению в индивидуальной жизни» [2]. Философы понимают *кризис* более широко – как *переломный период в смене качества*, независимо от оценки направления этой смены [3, с. 163].

Понять сущность кризиса возможно лишь соотнося его со стабильной жизненной ситуацией, основной признаком которой привычная упорядоченность образа жизни, когда «реальность повседневной жизни ... имеет *само собой разумеющийся характер*. ... она просто существует ... как самоочевидная и непреодолимая фактичность» [4] (Курсив мой. – Н.О.), в которой человек живет *согласно заведенному порядку*, а реалии «мира вовне» и «мира внутри» уравновешены: упорядоченный, относительно стабильный образ мира достаточно адекватно отражает «порядок мира внешнего».

Два типа кризисов

Со времен Эрика Эриксона принято выделять *два типа кризисов*: нормативные (кризисные периоды онтогенеза) и ненормативные, т.е. «запускаемые» событиями, которые резко нарушают относительно устойчивое динамическое равновесие внешних и внутренних условий бытия личности\*.

Для нашего понимания ненормативного кризиса и его отсроченных последствий значимы бытующие в психологии понятия «пограничная или предельная ситуация» [6], «переход», «поворотный этап жизненного пути» [7], разрыв или повреждение цепи непрерывности бытия [8]. Каждое из этих понятий-метафор подчеркивает, с одной стороны, нарушение привычного образа жизни (вплоть до разрыва жизненного пути), а с другой, – необходимость перехода в новое жизненное пространство (от чего-то – к чему-то). Осуществить такой переход возможно лишь совершив *выбор* направления пути, о котором С.Л. Рубинштейн писал как о решении, с принятием которого «на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека» [7, с. 284].

Пределы  
собственного  
существования  
и необходимость  
выбора

Понятие «*предельная, или пограничная ситуация*» (grenzsituation) было введено немецким философом, психологом и психиатром Карлом Ясперсом. Уже при его первом введении К. Ясперс интерпретировал пограничные ситуации ценностно: в предельных (погранич-

\* *Ненормативный кризис* можно назвать «кризисом адаптации к жизни» [5].

ных) ситуациях существование является для человека *настолько же процессом создания ценностей, насколько и процессом их разрушения, уничтожения*. Позже он расшил представление о предельных ситуациях, это понятие стало означать *весь спектр жизненных ситуаций, которые не подвластны человеку, которыми он не может управлять* [6, с. 127]. Такие ситуации ставят человека перед лицом смерти (реальной или символической), страдания, испытаний с непредсказуемым исходом и тем самым побуждают его *опираться на свои сущностные силы*, настоятельно требуют определения своей позиции и своего варианта преодоления. Именно поэтому в зависимости от уровня развития человека как личности пограничные (предельные) ситуации у одних обостряют самосознание, побуждают к рефлексии и становятся важным моментом саморазвития личности; а у других – источником психических травм.

Человек, столкнувшись с пределами собственного существования, должен выбрать дальнейший путь, основываясь на внутренней позиции

Для нас важна мысль К. Ясперса о том, что в пограничных ситуациях человек *сталкивается с пределами собственного существования*, обнаруживает свои экзистенциальные границы и *должен выбрать свой дальнейший путь, основываясь на так называемой внутренней позиции*. К. Ясперс наметил три возможных выбора и три исхода: либо смириться со своими пределами, либо обойти их, либо достойно пройти испытание и переступить, перейти через свои пределы. За каждым из обозначенных выборов – один из возможных вариантов жизненного пути: назад, в обход «границы»; вперед, напролом и, наконец, вперед и ввысь.

Человек обречен на постоянный выбор себя

Проблему, поставленную К. Ясперсом, еще более заострили философы-экзистенциалисты (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Мерло-Понти и др.). Акцентируя идею свободы, «от которой не укрыться», и выбора, которого невозможно избежать в предельной ситуации, они понимали *кризис как ответ личности на вызов ситуации*, требующей изменения способа и уровня бытия, требующей выбора *позиции* по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам. Для Ж.-П. Сартра поведение человека в предельных ситуациях *лично*: оно – результат тех выборов, которые он совершает, и тех усилий, которые прилагает для их реализации [9, с. 640]. Будучи заброшенным в ту или иную историческую ситуацию, *человек обречен на выбор себя*. И в зависимости от того, «какого себя выберет человек», какую позицию он займет, будет зависеть его стратегии и тактики поведения в период кризиса, а значит – успешность/неуспешность прохождения через кризис.

Представление о переживании кризиса и его последствиях (кризисе как периоде выбора между благоприятным и неблагоприятным направлениями дальнейшего развития)

Вторая мировая война и послевоенные годы породили массив психологических исследований, в которых в той или иной мере нашли отражение представления о кризисе как *периоде выбора между благоприятным и неблагоприятным направлениями дальнейшего развития*.

На эмпирическом уровне эта идея трансформировалась в представление о *конструктивном и неконструктивном* переживании кризиса. Так, Э. Линдемманн исследовал «нормальное» переживание горя и «искажение нормального горя» [10], а Э. Эриксон – «конструктивный» и «деструктивный» варианты кризиса идентичности [11].

Отсроченные последствия неконструктивно пережитого кризиса

К пониманию отсроченных последствий неконструктивно пережитого кризиса Э. Эриксон пришел, исследуя по заказу Пентагона «военный невроз»\*\* солдат, которые стойко пережили трудности войны, но не сумели вписаться в мирную жизнь. Теоретические позиции Э. Эриксона позволили ему подняться над традиционными медицинскими интерпретациями и осмыслить посткризисные феномены (потерю ощущения тождества личности и непрерывности времени, утрату контроля над собой и др.) как последствия неконструктивно пережитого кризиса идентичности. Для него *кризис идентичности - «распад» прежнего образа «Я», требующий нового самопреопределения*.

Успешность переживания кризиса зависит от внутренней позиции человека

Эрик Эриксон утверждал, что *успешность/неуспешность переживания кризиса* зависит от *внутренней позиции* человека как личности. Течение кризиса конструктивно, если человек занял *активную позицию* и направил все свои силы на поиск *новых оснований бытия взамен разрушенных*; в этом случае ему удастся взамен прежней идентичности сформировать новую. Но если человек занял пассивную позицию, течение кризиса становится деструктивным; его результат – длительные состояния дезадаптации, неверие в себя и свое будущее, *отчуждение от себя и других*, приводящие к *потере «Эго-идентичности»* [11, с. 26]. Более поздние исследования Э. Эриксона показали, что сходное воздействие на личность человека, занявшего пассивную позицию, оказывает и другие «переломные события», в частности, *длительная безработица* [11].

\* При выполнении этого проекта Э. Эриксон выступал в трех ипостасях: как теоретик, создавший одну из наиболее авторитетных концепций развития личности, как исследователь и как психолог-практик, который лично оказывал психологическую помощь.

Найти новые  
оснований бытия

Ученик и последователь Э. Эриксона А. Ватерман [A. Waterman] выявил, что чувство достигнутой идентичности разрушается по мере того, как *цели, ценности и убеждения* человека теряют жизненность, то есть, перестают соответствовать требованиям изменившейся жизни. Соответственно, конструктивность/неконструктивность переживания кризиса зависит не просто от активности личности, а от активности, направленной на пересмотр ценностей. Важно пересмотреть свои ценности и путем выбора среди различных альтернативных вариантов сформировать новые ценности, которые и станут основанием для определения жизненного направления [12]. Только в этом случае у человека есть шанс вновь достичь идентичности. Но если он не хочет замечать происходящих изменений и затрачивать усилия на личностные поиски, – возникает опасность погрузиться в диффузное состояние.

Таким образом, для личности *основной психологический смысл кризиса* заключается в нахождении *новых оснований бытия* и выборе на этой основе себя и своего пути. От того, каким будет этот выбор, зависит конструктивность/неконструктивность проживания кризиса, а значит и дальнейшая направленность развития и бытия личности.

Отсроченные  
последствия  
неконструктивно  
пережитого кризиса

Отсроченными последствиями неконструктивно пережитого кризиса, как правило, становятся дезинтеграция внутренней позиции личности и ее образа мира, а также выраженное отчуждение от себя, от других людей и общества в целом, которое может привести к потере Я-идентичности и нарушению обратимости внешнего и внутреннего пространств и времени.

В случае неконструктивного преодоления кризиса обнажается и становится зримым то, что М. Балинт назвал «базисным дефектом» [13]. – некоторое рассогласование в функционировании механизма идентификации-обособления, которое порождает выраженные *интегрирующиеся* и *сепарирующиеся* типы личности.

Идея двух вариантов  
выхода из кризиса

Говоря о двух вариантах выхода из кризиса, – повышение возможностей развития\*\* или их понижение – важно сознавать: и при первом, и при втором варианте *неизбежна перестройка личности*. И какими бы терминами не обозначали этот процесс исследователи («трансформация», «метаморфоза», «переидентификация»; мутация), суть одна: человек «переопределяет себя»: он создает новый образ Я, принимает новый жизненный

\* В традициях гуманистической психологии его принято называть «личностным ростом» [14].

замысел (образ будущего) и выстраивает новую жизненную траекторию. В первом случае человеку удастся сохранить либо восстановить внутреннюю целостность самосознания, переосмыслить травматическое событие (и себя в ней) и, восстановив единство прошлого, настоящего и будущего, найти основания для нового способа и уровня бытия в мире. Во втором случае проблема выживания и приспособления человека к новой реальности решается за счет нарушения отношений в системе «человек – мир».

Для преодоления отсроченных последствий кризиса необходимо найти *новые основания бытия* (ценности и смыслы), изменить себя. Таким образом, в ситуации неконструктивно пережитого кризиса необходимой становится специальная работа, направленная на возвращение человека в мир. Отдельной проблемой становится *новое самоопределение человека*. Именно на осуществление личности и направлено психологическое сопровождение личности в ситуациях отсроченных последствий неконструктивно пережитого кризиса.

Понятие «психологическое сопровождение»

Слово «сопровождение» появилось в отечественной психологической литературе в девяностых годах XX века в значении «недирективной формы оказания психологической помощи, направленной не просто на укрепление или достройку, а на развитие и саморазвитие самосознания личности» [15], которая запускает механизмы саморазвития и активизирует собственные ресурсы человека. Утверждая необходимость психологического сопровождения здорового с клинической точки зрения человека, психологи-практики настойчиво подчеркивали такие отличия новой практики от психотерапии и психокоррекции как отказ от оппозиции «здоровье – болезнь», направленность на «развитие и саморазвитие самосознания» и стремление опираться на внутренние ресурсы личности [16; 17].

Первые работы по проблеме психологического сопровождения

Пафос первых работ по проблеме психологического сопровождения (как и их некоторая «терминологическая невнятность») становятся понятными в контексте социальной ситуации развития отечественной психологии 90-х годов. Это было время перестройки во всех сферах общественной жизни. Именно тогда был, наконец, снят шестидесятилетний запрет на психологическую практику\* и в

\* В России интенсивное развитие психологической практики было прервано к началу 30-х гг. XX в. Лишь некоторые ее элементы (суггестия, гипноз, рациональная психотерапия, лечебный сон и шоковые методы) существовали как монополия медицины [19. с.5–6].

России появились первые психологические службы, которые, по словам Ф.Е. Василюка, стали для психологии тем же, «что школа для педагогики, церковь для религии, клиника для медицины» [20, с. 178–179]. В этот период преодолеть отрыв от мировых тенденций развития психологической практики помогали зарубежные коллеги. Карл Роджерс, Виржиния Сатир, Джеймс Бьюдженталь, Карл Витакер, Джон Гриндер, – вот лишь некоторые из классиков зарубежной психотерапии, на семинарах и тренингах которых российские психологи осваивали и присваивали идеи экзистенциально-гуманистической психологии [21]. Одним из следствий прививки этих идей к древу российской психологии стало *рождение практики психологического сопровождения*.

Поиск понятий для обозначения практической работы психолога

Одна из аксиом, сформулированных философом-гуманистом М. Бубером, гласит: «*Когда я обнаруживаю, что один предмет существенно отличается от другого, мне нужен новый термин*» [22, с. 66].

Поиск понятий, пригодных для обозначения практики работы со здоровыми людьми, оставил заметный след на страницах научной литературы тех лет. В качестве «имен» новой практики предлагались «содействие» [23]; «со-бытие» [24; 25], «со-работничество» [26], «сопровождение» [15; 16; 17; 27; 28]\*\*. Однако по-настоящему прижилось лишь понятие «сопровождение»: оно вошло в тезаурус психологии личности [27; 28], педагогической психологии [16; 17], акмеологии [29], педагогики, [30], социальной работы [31]. Наиболее часто его употребляли для обозначения деятельности специалистов (психологов, педагогов, социальных работников) в различных организациях (школа\*\*, детский дом, вуз, предприятие, воинское подразделение); реже – для обозначения практики психологической помощи пострадавшим в экстремальных ситуациях [5; 27].

\* Каждое из этих слов содержит приставку «со», этимологически указывающую на *совместность*. Ту же приставку мы обнаруживаем в словах «сообщество», «сотрудничество», «соратник», «сопричастность», «сострадание», «сочувствие», фиксирующих идею объединения людей на обнове общего дела или глубоких, значимых отношений.

\*\* Именно этой практике посвящен основной массив отечественной литературы по сопровождению. Заметим, здесь «сопровождение» – свободный перевод англоязычного термина «school counselling and guidance» «руководство через консультирование», то есть, мягкое, ненавязчивое руководство, идущее от запроса ребенка), которым за рубежом обозначают психологическую службу в системе образования.

Проективный потенциал слова «сопровождение» в российской культуре

Уместно ли использовать понятие «психологическое сопровождение личности» для обозначения деятельности психолога в ситуациях отсроченных последствий кризиса? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к значениям исконно русского слова «сопровождение».

Обращение к словарям и научной литературе позволяет говорить о неслучайности выбора термина «сопровождение»: в российской культуре это слово обладает определенным проективным потенциалом и смыслами, к которым может подключиться практикующий психолог. Этимологически оно производно от глагола «сопровождать», изначальный смысл которого – «идти, ехать вместе с кем-либо в качестве спутника или провожатого» [32], «проводить, сопутствовать, идти вместе для проводов, провожатым, следовать» [33, с. 272], то есть, проходить, проживать вместе с человеком часть его пути, *соучаствовать в его жизни* в качестве проводника, провожатого, спутника, попутчика. Представление о сопровождении связано, с одной стороны, с семантикой совместности, то есть, нахождения людей «вместе по времени и пространству» [33, с. 255] и их объединения на основе общего дела или глубоких, значимых отношений, а с другой, – с семантикой жизненного пути.

Три основных компонента сопровождения

В ситуации сопровождения нетрудно выделить *три основных компонента*: путник, сопровождающий и путь (от – к), который они проходят вместе.

*Путь*, согласно В.И. Далю, – это не только дорога, но и процесс передвижения по ней (время, нужное для прохода; способ или средство достижения цели, направление) [34, с. 543]. Вся совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей пути образует «мифологему пути», которая присутствует на различных уровнях культуры старой и новой, традиционно-народной и интеллектуально-элитарной, в обрядах и ритуалах, в фольклоре, в высокой и церковной книжности, в художественных поэтических и прозаических произведениях, в живописи и музыке. И, конечно же, она неизменно и ощутимо присутствует в обыденном сознании россиян.

Жизненный и духовный путь

А если вспомнить, что славянской культурной традиции «путь» – это не только синоним дороги, но и понятие-символ, в семантике которого присутствуют такие смыслы, как «жизненный путь», «духовный путь», «выбор правильного пути, жизненной стези»\*, то

\* В.И. Даль в качестве примера приводит ряд фразеологем: «путь жизни», «пути Праведников и грешников» [34, с. 543]

представление о «сопровождении» обогащается духовным смыслом, обозначая поддержку человека в путешествиях не только по внешнему, но и по внутреннему пространству» (а оно неизбежно в кризисных и посткризисных ситуациях).

*Путник*, согласно В.И. Далю, – это не только «дорожный человек, путешественник, странник, куда-либо идущий», но и человек, «сбившийся с пути», который находится на перепутье» и ищет временного приюта; и даже «обрекшийся на тунейадное странничество, скиталец, бездомный проходимец», «лицо, которое не живет оседло, скитается, бездомный, бесприютный; бродяга» [33, с. 544].

Такой ряд значений позволяет говорить о пригодности слова «сопровождение» для обозначения различных вариантов пролонгированной психологической помощи в переходные периоды жизни. Уже сам факт обращения за психологической помощью свидетельствует, что человек не сумел справиться с трудностями: он сбился с пути и нуждается в спутнике, поддержка которого поможет отыскать *свой* путь и найти внутренние ресурсы для его прохождения.

Сопроводитель,  
проводник,  
путевод ...

*Сопровождающий* (сопутный) – это человек, который *лишь временно* находится рядом с путником, «замещая» тех значимых других, которые либо отсутствуют, либо не способны оказать необходимую и достаточную поддержку. Уже В.И. Даль называл среди ролевых функций сопровождающего не только нейтральные («попутчик», «сопроводитель/сопроводительница»), но и «спутник, товарищ на пути, в дороге, в жизни»; «проводник», «путевод», «спутник для указания пути, для охраны, защиты, для присмотра», то есть, *посредник* между человеком и миром жизни, обеспечивающий безопасность, необходимую и достаточную поддержку человека в непростой период перехода\*.

Психолог должен  
стать для клиента  
значимым другим

Конечно, для того, чтобы стать таким «сопровождающим», психолог должен стать для клиента человеком значимым (в психологии имеется особый термин – «зна-

---

\* Еще одно значение слова «сопровождение» – «конвой», «конвойный». Нередко оно становится причиной возражения части исследователей (Л.В. Филонов) против употребления данного понятия в психологии. Уточним: лишь в советское время это слово обрело столь злое значение. Еще в прошлое веке слово «конвой» означало охрану (корабля) и его оберег, прикрытие, т.е. символизировало силу, надежность, защиту слабого или уязвимого на опасном отрезке пути

чимый другой»<sup>\*</sup>). Как известно, значимые другие отличаются от всего остального социального окружения тем, что разделяют с человеком пространство и время его бытия, выполняя в его развитии и бытии особые функции. А.В. Петровский и В.А. Петровский убедительно доказали, что они содействуют осмыслению нового опыта деятельности, отношений, переживаний и вносят свои «вклады» в развитие представлений и отношений человека к себе, другим, миру в целом [37, с. 126–128].

Помимо деятельности и общения в пространстве бытия со значимым другим с необходимостью присутствуют отношения особого рода, – глубинные бытийные связи. Именно в силу этого при взаимодействии со значимыми для человека людьми его действия перестают быть «исключительно его»: двое начинают действовать совместно, действия одного задаются действиями другого и сами вновь претерпевают изменения в ответ на его действия. В онтогенезе в пространстве события со значимым другим происходит таинство зарождения и развития в ребенке личностного (социокультурного!) начала. Для взрослого же человека в периоды кризисов, – пишут в своей фундаментальной монографии «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания» П. Бергер и Т. Лукман, – условием сохранения своего «Я» становится «*эмплицитное и эмоционально заряженное подтверждение от значимых других*», их поддержка [38, с. 244–250].

Основные смыслы,  
заложенные  
в понятии  
«сопровождение»

Анализ позволил выделить основные идеи, заложенные в понятии «сопровождение»: это идея общего пути в пространстве и времени (от встречи, вступления в отношения и определения направления совместного пути до его завершения и расставания-прощания); *идея совместности* как соучастия не просто в совместно-разделенной деятельности, а в бытии; идея поддержки путника и защиты его от опасностей; *идея динамики* (изменения) состояний, отношений, позиций и функций каждого из спутников на различных этапах совместного пути. Так, если в начале этого пути наиболее важной функцией сопровождающего (как человека более опытного, уже ходившего этим путем и знающего его) является защита путника от опасностей и его поддержка, поэтому он более активен; то со временем сам путник обретает большую устойчивость и самостоятельность и они действуют на равных.

\* В психологию понятие «значимый другой» почти одновременно ввели создатель символического интеракционизма Дж. Мид [35] и творец «социальной терапии» Г. Салливан [36].

Необходимость  
в сопереживании

В зарубежной психологии и психотерапии идея психологического сопровождения как особой психологической практики выкристаллизовалась на волне протеста против медицинского подхода к помощи человеку страдающему. Э. Фромм, характеризуя медицинский подход, писал, что в нем «Пациент воспринимается ... как вещь, как нечто, состоящее из частей. Некоторые части сломались и требуют замены, подобно деталям автомобиля. ... Терапевт считает своей функцией заменить или отремонтировать эти сломанные «детали». Он не рассматривает своего пациента как целостное уникальное единство, которое можно понять полностью только в акте абсолютной связи с ним, в акте сопереживания и любви» [23, с. 166].

Родовые черты новой  
психологической  
практики

Следы перехода от психотерапии к психологическому сопровождению сохранились в публикациях зарубежных психологов, усилия которых были направлены на «очеловечивание» психотерапии [40, с. 22; 39; 58; 59]. Понятием «сопровождение» представители различных школ обозначали практику длительной, предельно индивидуализированной психологической работы с людьми в «точках перехода» (кризиса). Анализ текстов\* позволил зафиксировать общие, родовые черты новой психологической практики.

Изменение  
представлений  
о клиенте  
и психологе

Прежде всего, это изменение представлений о клиенте и специалисте. Если в традиционной психотерапии роль пациента (особенно кризисного и посткризисного) была неизменно связана с идеей пассивной жертвы [41], то в сопровождении к клиенту, неконструктивно пережившему кризис, относятся как к *нормальному человеку в ненормальных условиях бытия\*\**. Психолог же отказывается от позиции врача и становится «спутником» (В. Сатир) [42], «партнером по бытию» (Д. Бьюдженталь) [44] или, как определял создатель антипсихиатрии Р. Лэнг, «специалистом по сопровождению человека, отчужденного от себя и мира, на его пути к себе и миру» [45, с. 182].

Ценностные  
основания  
сопровождения

Исходя из ценностных оснований сопровождения, особое внимание каждый из этих психологов уделял

\* Мною было проанализировано 47 текстов, авторы которых формально принадлежали к различным психотерапевтическим школам (аналитическая психология, британская школа объектных отношений, клиент-центрированный подход, гештальттерапия, конструктивизм, нарративная психология, экзистенциальная и семейная психотерапии, а также многочисленные эклектические подходы).

\*\* Более подробно об этом см. в нашей статье [42].

процессу взаимодействия психолога с клиентом, которое выстраивалось из реального онтологического равенства двух партнеров. В процессе сопровождения (особенно на его начальных этапах) психолог занят прежде всего процессом эмоционально насыщенных отношений (тех самых, которые в психоанализе когда-то обозначали парой «трансфер – контртрансфер» и всячески стремились избегать). И это – закономерно, ибо смысл может быть постигнут в какой-то момент такого общения, но не может быть передан извне.

В целом взаимодействие клиента и «специалиста по сопровождению» предстает как *процесс личностной встречи и совместного пути*: во главу угла ставится подлинная *совместность* друг с другом, отвечающая природе человека, а также динамика *ролевых позиций* психолога и клиента на различных этапах сопровождения.

Создание условий, побуждающих клиента к активности

Речь идет не о прямом воздействии, а о *создании условий*, побуждающих клиента «быть активным, развиваться и расти» (43, с. 211). Среди этих условий – принятие клиента\*, *опережающая активность специалиста, его глубокая идентификация с клиентом*, а также *признание права клиента на выбор* (именно он решает, сопрягаться со специалистом или нет), которые способствуют возникновению между ними общего пространства «Мы».

Сущностные отношения психолога и клиента

Стоит, пожалуй, подчеркнуть еще одну деталь, которая явно отличает сопровождение от других вариантов психотерапии: авторы подчеркивают *реальность сущностных отношений между психологом и клиентом*. Вот как раскрывает свое понимание реальных отношений Д. Боаделла [D. Boadella]: «Реальные отношения означают реальное тепло, реальные смех и слезы, реальную заботу и ... реальную злость, если клиент прожжет сигаретой дырку в вашем ковре» [47, с. 36].

Идея сопровождения в системном подходе

Параллельно с развитием идеи сопровождения в экзистенциально-гуманистических подходах, она разрабатывалась и *в системном подходе* (С. де Шазер; К. Людевиг), где в чести не метафоры, а жесткие технологичные формулировки. Так, диада «специалист – клиент» рассматривается как социально сконструированная целостность, которая порождается коммуникацией и постоянно изменяется; они – «члены системы, стремя-

\* Бруно Беттельхейм, вся работа которого была направлена на вывод человека, неконструктивно пережившего травматический опыт, «из пустой крепости отчуждения» утверждает даже необходимость «экстремального принятия» [46].

щейся к общей цели», «операционально сцепленные единицы», представляющие актуальное состояние системы, существующей по тех пор, пока один из них не решит «выйти из системы» [48, с. 149–150].

Система «психолог – клиент»

Определяя место сопровождения в пространстве основных «помогающих» практик, Курт Людеви́г выделил по критерию отношений между психологом и клиентом *два основных типа* «систем помощи»: первый из них (руководство и консультирование) основан на *дифференциации*\* и не предполагает глубокой идентификации психолога с клиентом и длительных отношений между ними; второй тип (терапия и сопровождение) основан на *конвергенции*\*\* и предполагает значительное сближение специалиста и клиента и длительную совместную работу [48, с. 151–152].

*Сопровождение* предстаёт в типологии К. Людеви́га как система «психолог – клиент», в которой специалист для того, чтобы стабилизировать жизненную ситуацию клиента, «предоставляет свою структуру в распоряжение клиента и стремится к построению длительных отношений» [48, с. 151].

Следствия принятия идеи психологического сопровождения

Принятие идеи сопровождения привело к изменениям в тезаурусе практической психологии: на смену психоаналитическим терминам «рабочий альянс», «перенос и контрперенос», «сопротивление клиента»\*\*\* пришли понятия «развитие», «механизмы развития», «присоединение», «эмпатия», «идентификация». А поскольку было выявлено, что столь тщательно исследованные в психоанализе защиты и сопротивления – это эпифеномены, порожденные особенностями системы отношений между психологом и клиентом [48; 49], то в сопровождении умение присоединяться к клиенту, приспособляться к его своеобразию стало вменять специалисту в обязанность. Так, максима К. Людеви́га гласит: «Нет сопротивляющихся клиентов, есть психоло-

\* *Дифференциация* (от лат. *differentia* – различие, различение, разделение, обособление) – процесс разделения целого на различные части (в том числе и разделения обязанностей между членами диады, группы). Результатом дифференциации может быть полная автономия частей системы.

\*\* *Конвергенция* (от лат. *convergo* – приближаться, сближаться, сходиться в одну точку) – процесс сближения, подразумевающий появление у сходящихся сторон сходных признаков. Результат подобного слияния – достижение компромиссов, стабилизация, равновесие и объединенное развитие.

\*\*\* Феномены, которые З. Фрейд описывал как «сопротивление клиента», понимаются в системном подходе как «реакция клиента на неуместные меры со стороны специалиста» [48].

ги, занимающие «не ту позицию» или не владеющие искусством присоединения» [48].

Принятие идеи сопровождения привело также к изменениям в каждом из компонентов процесса.

Изменение целей

Во-первых, *отсутствует жесткое проектирование цели-результата*: есть лишь «близкие и дальние ориентиры», задающие общее направление совместного пути. Среди близких (их можно назвать базовыми для начальных этапов совместной работы) – «смягчить состояние онтологической незащищенности», «восстановить врожденную тенденцию к развитию и способность к конструктивным человеческим отношениям». Дальние (для более поздних этапов сопровождения) предполагают обретение клиентом большей свободы, внутренней силы, ответственности за свою жизнь, способности выбирать и контролировать свое поведение. Основная задача специалиста формулируется как *создание условий для стабилизации личности, восстановления ее развития* и перехода от помощи извне к самопомощи, от позиции «Я не могу» – к позиции «Я могу сам справиться со своими жизненными трудностями».

Отказ от жестких рамок сеттинга

Во-вторых, наблюдается *тенденция отказа от жестких рамок сеттинга*: частота встреч варьируется от одного раза в неделю до «встреч по требованию клиента», расширяется зона неформального общения психолога с клиентом (возможна личная переписка клиента с психологом, беседы по телефону, встречи вне кабинета). Так, психолог может навестить заболевшего клиента, принять участие в важных для него семейных торжествах, совместных посещениях театра, художественных выставок, спортивных соревнований.

Самостоятельная работа клиента между встречами

В-третьих, широко *практикуется самостоятельная работа клиента между встречами*. Поскольку в сопровождении психолог стремится стимулировать собственную активность клиента, то практикуется ведение дневников, рефлексивные самоотчеты, рисунки, отображающие состояние клиента, библиотерапия и др. Все это – свидетельство того, что *процесс сопровождения погружается в реальную повседневную жизнь человека*, становится ее частью.

Психологическое сопровождение как практика, пригодная в ситуациях перехода

Итак, к 80-м годам XX века в зарубежной практической психологии утвердилась модель психологического сопровождения как особой практики пролонгированной психологической помощи человеку в ситуациях перехода. Сущность этой практики состоит в создании между психологом и клиентом длительных надежных человеческих отношений (не только символических, но и реальных!), в пространстве которых клиент получает

возможность пережить новый опыт глубинных, подлинно человеческих отношений, дающих ему новый шанс – *возможность быть и собирать себя в качестве личности на новых основаниях.*

Для человека, неконструктивно пережившего кризис, *результатом сопровождения* становится восстановление поврежденного механизма развития, а значит – преобразование представлений о мире и себе в нем, отношений к себе и другим. По сути, сопровождение в ситуации неконструктивно пережитого кризиса дает клиенту шанс пережить «второе рождение» и «вернуться в мир людей».

По сути требуется ресоциализация, о которой известные философы П. Бергер и Т. Лукман в своем трактате «Социальное конструирование реальности» работе писали: «Такие процессы напоминают первичную социализацию, поскольку они должны радикально по-новому расставить акценты реальности, а потому должны в значительной степени *воспроизвести сильную эмоциональную идентификацию с персоналом социализации*, которая характерна для раннего детства» [38, с. 255]. Отметив, что без такой идентификации невозможна трансформация субъективной реальности, философы подчеркивают, что она «неизбежно копирует детский опыт эмоциональной зависимости от значимых других», которые становятся «вожатыми по новой реальности. Теми ролями, которые ими играют-ся vis-à-vis к индивиду ... они представляют вероятностную структуру и опосредуют для индивида новый мир» [38, с. 256].

Конечно, процесс ресоциализации отличается от первичной социализации уже тем, что «не начинается ex nihilo». В силу этого психолог должен считаться с проблемой «демонтажа, разрушения предшествующей номической структуры субъективной реальности» [38, с.255].

По сути, когда мы говорим о психологическом сопровождении в ситуации отсроченных последствий кризиса, речь идет о процессе переопределения себя и (возможно!) перехода на новый уровень бытия, который весьма близок повторному личностному онтогенезу.

В отечественной психологии разработка проблемы психологического сопровождения эффективно осуществляется в научной школе В.С. Мухиной «Феноменология развития и бытия личности». Создание условий эффективного психологического сопровождения личности на всех этапах развития (ребенок, отрок, взрослый и

Разработка  
проблемы  
психологического  
сопровождения  
в научной школе  
В.С. Мухиной

пожилой человек) в нормальных и экстремальных условиях бытия уже второе десятилетие является здесь приоритетным направлением исследований.

Исповедуемое В.С. Мухиной понимание психологии сопровождения близко как к глубинным смыслам, заложенным в российской культуре, так и к мировым тенденциям развития психологической практики. Так, в ее монографии «Отчужденные: абсолют отчуждения» психологическое сопровождение предстает как «следование вместе с подопечным, охранение его на жизненном пути, в экстремальных обстоятельствах и в минуты пробуждающейся надежды, вдохновения и радости. Психологическое сопровождение осуществляется через совместные переживания, обсуждения проблем при условии согласия и взаимопонимания» [28, с. 476–477]. Согласно представлениям В.С. Мухиной, сопровождение всегда персонифицировано и направлено на конкретного клиента: «психологическое сопровождение конкретного человека осуществляет конкретный человек, – психолог, который выстраивает реальные долговременные отношения с избранным подопечным» [28, с. 477]\*.

Для эффективного сопровождения необходима включенность психолога в концептуальное видение развития человека как личности

Несомненно, работа по психологическому сопровождению личности в ситуации отсроченных последствий кризиса требует от специалиста а) понимания сущности данной ситуации и знания их типологии; б) умений и навыков диагностики образа мира человека и его психических состояний в ситуации «здесь и теперь»; в) умения оказывать психологическую помощь человеку [50, с. 56-57]. Но есть еще одно условие эффективности его деятельности. Я имею в виду включенность психолога в целостное концептуальное видение особенностей развития человека как личности в различных условиях бытия.

Дело в том, что опыт психологического сопровождения, накопленный отечественными специалистами за двадцать лет существования этой практики на российской почве, до сих пор остается недостаточно отрефлексируемым в рамках теоретического подхода. Специалисты, практикующие психологическое сопровождение, либо ориентируются на зарубежные теорети\_

\* Слова об «избранном подопечном», связаны с особыми условиями сопровождения, о котором повествует книга В.С. Мухиной – сопровождением осужденных пожизненно. В иных ситуациях (в том числе и в ситуации человека, неконструктивно пережившего кризис) уместнее говорить о взаимном выборе клиента и психолога.

ко-практические подходы (психоанализ, когнитивно-поведенческий подход, гештальттерапию, экзистенциально-гуманистический подход и др.), либо исповедуют эклектику\*, приводящую к отсутствию целостной, последовательной теоретической позиции. В результате практика психологического сопровождения развивается вне контекста целостного концептуального подхода.

Структура практико-ориентированной теории

Как убедительно доказал А.И. Сосланд [51], «хорошая» практико-ориентированная теория должна включать в себя: 1) представление о том «индивидуальном целом», с которым придется работать практику (для одних это поведение, для других – когниции, для третьих – личность), а также о развитии этого целого в различных условиях бытия; 2) *теоретический проект восстановления «целого»*, то есть, представления о цели-ориентире, процессуальных целях и критериях эффективности процесса; 3) *проект психологической практики*, который невозможен без представления о механизмах развития личности, на основе которого, психолог-практик создает и / или модифицирует те или иные психотехники.

Какое представление о личности способно стать основой эффективной практики?

Далеко не каждое из существующих в науке представлений о личности и ее развитии пригодно для того, чтобы стать основой эффективной практики психологического сопровождения личности в ситуации отсроченных последствий неконструктивно пережитого кризиса. Чтобы стать основой для практики, *концепция личности* должна быть доступной, практичной и онтологичной. Это значит – она должна раскрывать сущность личности, связанную с ее бытием в мире и непременно содержать представление о развитии человека как личности. Только такая теория даст ориентиры для выстраивания *процесса* психологического сопровождения.

Онтологическая концепция бытия и развития личности В.С. Мухиной - основа сопровождения

Всем этим требованиям отвечает *онтологическая концепция бытия и развития личности В.С. Мухиной*. На основе методологии, разработанной В.С. Мухиной, ее учениками уже исследован ряд важнейших проблем психологического сопровождения в различных условиях бытия. В частности, в исследовании А. Волосникова [27] были выявлены особенности ролевой позиции сопровождающего психолога (символическая «родительская позиция»), а также модификации этой пози-

\* Под *эклектикой* в психологической практике понимается механическое соединение разных техник, оторванных от теоретических позиций.

ции в различных условиях. А.А. Яруловым в условиях детского дома были апробированы такие условия эффективного психологического сопровождения личности, как «встраивание» диагностики в реальную жизнедеятельность человека и включение коррекционных методов в повседневную жизнь воспитанников детского дома [54]. Выявлена также возможность использовать в качестве средств сопровождения модификаций таких традиционных культурных практик как инициация [55; 56], создание позитивного мифа о себе и истории своей жизни [54], драматизации жизненных историй [57; 58]. Особый интерес представляют результаты докторской диссертации В.А. Горяниной, где была доказана возможность сознательно использовать идентификацию – обособление как профессиональную технологию [59].

Концепция В.С. Мухиной стала для меня основой для разработки проекта психологического сопровождения личности в ситуациях отсроченных последствий кризиса.

Тезисно представим те идеи, которые наиболее важны для психолога-практика, осуществляющего такого рода психологическое сопровождение:

- Первая из этих идей – о «целом, с которым работает психолог». Для нас это личность (ее самосознание, которое мы представили как образ мира в контексте звеньев самосознания).

Согласно концепции В.С. Мухиной, личность представляет собой амбивалентное единство социального и индивидуального. Ее самосознание – это универсальная, психологически значимая структура, которая присуща каждому социализированному индивиду и состоит из пяти звеньев: 1 – идентификация с именем и заменяющим его местоимением «Я», с образом тела, с индивидуальной духовной сущностью человека; 2 – притязание на признание; 3 – половая идентификация; 4 – психологическое время личности (прошлое, настоящее, будущее); 5. – социально-нормативное пространство прав и обязанностей, которые формируются в онтогенезе и сохраняются на протяжении всей жизни личности в своей структурной заданности.

Многочисленные исследования, проведенные В.С. Мухиной и ее учениками в различных странах, доказали: наличие звеньев самосознания универсально (они существуют у любого социализированного индивида, независимо от его социальной принадлежности, этноса, культуры и пола). А вот содержательное напол-

нение каждого звена уникально: оно зависит от традиций, культуры, жизненного опыта личности и внутренней позиции самого человека. Более того, содержание звеньев самосознания может изменяться в течение жизни посредством присвоения и освоения нового для человека социокультурного опыта (оно претерпевает негативные изменения в экстремальных ситуациях, но оно может быть преобразовано в условиях психологической помощи).

В практике психологического сопровождения человека, неконструктивно пережившего кризисную ситуацию, продуктивной позицией психолога становится учет им значений и смыслов для личности человека всех пяти звеньев с их содержательным наполнением и феноменологическими особенностями. Психолог должен понимать: 1. – какие из звеньев самосознания претерпели в результате неконструктивного переживания кризиса негативные изменения; 2. – к каким звеньям и с какими идеями, словами он будет обращаться, чтобы стал возможным процесс восстановления «личностного в человеке».

- Следующее положение, которое необходимо учитывать, касается *«внешнего» объективного аспекта ситуации психологического сопровождения*. Согласно концепции В.С. Мухиной, *условиями развития личности являются сложившиеся в истории человечества реалии бытия*: 1 – предметный мир; 2 – природа; 3 – образно-знаковые системы; 4 – социально-нормативное пространство; 5 – особая реальность внутреннего пространства конкретной личности. Психологу, работающему с представлениями клиента о себе и других, с его травматическими образами, страхами и ожиданиями, необходимо учитывать, что на пересечении всех этих пяти реальностей проявляется феномен обратимости внешнего и внутреннего, который так важен для трансформации образа мира личности.

- Многие практики любят говорить об исключительной силе своего влияния. Хорошо зная об этой «слабости» практиков, В.С. Мухина пишет: «Я поняла раз и навсегда: если ты можешь воспроизвести некий результат, то не ты лично обладаешь некими свойствами воздействия на других, а *некие механизмы*, которые сложились в социальной истории человечества» [52, с. 56–57]. Профессионал не имеет права надеяться на случайность или чудо: он понимает механизмы развития, а значит, – *осознанно* использует их в качестве технологии работы с человеком как личностью.

Идентификация – обособление как механизм развития личности и профессиональная технология работы психолога

*В качестве механизма*, посредством которого человек осваивает тот опыт поколений, который поможет ему восполнить содержание деформированных в период кризиса звеньев самосознания, выступает двуединый механизм *идентификация-обособление*. Поскольку «объективно идентификация выступает как механизм «присвоения» индивидом своей человеческой сущности, как механизм социализации личности, а обособление – как механизм индивидуализации личности», то этот механизм может быть осознанно использован психологом-практиком в качестве технологии психологического сопровождения личности в кризисных ситуациях\*.

Если огрубить технику сопровождения, то здесь присутствуют два основных аспекта работы: восстановление или формирование у человека, неконструктивно пережившего кризис, новых связей (через идентификацию); прекращение или разделение негативных связей, позволяющее произвести деструкцию негативного опыта (через механизм обособления/отчуждения).

*Функции идентификации в процессе сопровождения* – восстановление и порождение *новых связей*, которые необходимы для «возвращения к другим и себе», в пространство жизни. *Фактически она лежит в основе приобщения к общечеловеческим формам культуры\*\**.

«Если идентификация есть непосредственное переживание индивидом своей тождественности с другим человеком, то *техника идентификации* есть профессиональное поведение психолога с пациентом, нуждающимся в психологической помощи. Используя ее, психолог обеспечивает клиенту эмоциональный комфорт, что дает пациенту уверенность, что его понимают и ему сочувствуют...» [53, с. 386]. Именно поэтому понимание необходимости соучастия, сопереживания как составной части идентификации должно быть присуще каждому специалисту как профессионалу, и как нормальному человеку.

В таком понимании сопровождения имплицитно содержится идея бытия со значимым другим, которое становится для тех, кто неконструктивно пережил кризис, условием нахождения новых ценностей, вхожде-

\* Уже несколько десятилетий В.С. Мухина использует идентификацию-обособление как прием во взаимодействии с клиентами (жертвами природных, техногенных катастроф, террористических актов).

\*\* Идентификация как технология психологического сопровождения явно основана на древней логике сопричастия (Леви-Брюль), которая когда-то казалась «примитивной».

ния их в содержание содержания звеньев самосознания, а значит и трансформации внутренней позиции личности, делающей возможной «перемену пути».

Подведем итоги. Проведенный анализ позволяет утверждать, что *психологическое сопровождение личности* в кризисной ситуации представляет психологическую практику, в наибольшей степени приближенную к контексту совместного бытия людей в мире. Сущность данной практики состоит в создании переходного пространства щадящих условий и особых отношений между психологом и клиентом, реально и символически воспроизводящих контекст совместного бытия близких, доверяющих друг другу людей: психолог принимает на себя позицию временного заместителя значимого другого и вводит клиента в реалии пространств бытия (мир предметного и природного пространства, мир образно-знаковых систем, социально-нормативный мир и др.), осуществляя этот процесс в соответствии с теми закономерностями онтогенетического развития личности, которые можно назвать «новым началом» или замещающим личностным онтогенезом. Это делает возможным переработку травматичного опыта и выход из негативного отчуждения от себя, другого, мира в целом и реконструировать содержание искаженных компонентов субъективного образа мира и картины мира в целом.

*Динамику* психологического сопровождения личности можно представить как путь, который два человека «шаг за шагом»\* проходят вместе: он начинается с присоединения психолога к клиенту и принятия им позиции временного заместителя значимого другого; – на основе глубинной идентификации два «Я» объединяются в диаду «Мы», в «переходном пространстве» которого соприкасаются и резонируют два открытых друг другу субъективных мира, что позволяет клиенту обрести и освоить новый жизненный опыт, овладеть культурными средствами, позволяющими ему реконструировать свой внутренний мир. По мере развития диады «психолог – клиент» внутренняя структура диады меняется, так как клиент берет на себя все большее число психологических функций – затем наступает стадия полноценного обособления клиента от психолога, завершающаяся его отделением (сепарацией).

---

\* От итальянских коллег, которые практикуют сопровождение, я услышала меткое и трогательное выражение: «двигаться маленькими, детскими шажками» (Г.Сорджи).

Взаимодействие психолога и клиента в процессе социально-психологического сопровождения личности в кризисной ситуации можно представить через модель кругов Леонарда Эйлера (рисунок 1). Конечно, эти отношения (в том числе и отношения конъюнкции, или пересечения на второй стадии) показывают лишь наиболее общие закономерности развития отношений в диаде «психолог-клиент» на основных стадиях социально-психологического сопровождения личности в кризисной ситуации, но не количественное и качественное их соотношение.

1. *Даль В.И.* Кризис / Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1979. – Т.2.
2. *American Heritage Dictionary.* – N.Y., – 1973.
3. *Сагатовский В.Н.* Неизбежна ли глобальная катастрофа // Социальный кризис и социальная катастрофа: Сб. материалов конференции. – СПб., 2002. – С. 163–168.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М., 1995.
5. *Осухова Н.Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. – М., 2012.
6. *Ясперс К.* Введение в философию: Пер. с нем. – Мн., 2000.
7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. – Т. II. – М., 1989.
8. *Пергаменщик Л.А.* Кризисная психология. – Мн, 2004.
9. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии: Пер.с фр. – М., 2000.
10. *Линдемманн Э.* Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты: Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 212–219.
11. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М., 1996.
12. *Waterman A.S.* Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Devel. Psychol.* – 1982. – V. 18. – N 3. –P. 341–358.
13. *Балинт М.* Базисный дефект: терапевтические аспекты регрессии: Пер. с англ. – М., 2002.
14. *Роджерс К.Р.* Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы: Пер. с англ. – М., 1999.
15. *Слюсарев Ю.В.* Психологическое сопровождение

ние как фактор активизации саморазвития личности: Дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 1992.

16. Бардиер Г. Ромазан И. Чередникова Т. Я хочу! Психологическое сопровождение естественного развития маленьких детей. – СПб., 1996.

17. Битянова М.Р. Организация психологической работы в школе. – М., 2001.

18. Мухина В.С., Горянина В.А. Развитие, воспитание и психологическое сопровождение личности в системе непрерывного образования: концепция и опыт работы ИРЛ РАО // Воспитание и развитие личности: Материалы межд. науч.-практ. конференции. – М., 1997. – С. 4–12.

19. Каган В.Е. набросок пути. Психология и психотерапия в России. – СПб, 2000.

20. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – М., 2003.

21. Гаврилова Т.П., Снегирева Т.В. К итогам работы в группах К. Роджерса и Р. Сэнфорд // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. – 1989. – № 2. – С. 4 – 8.

22. Диалог Карла Роджерса и Мартина Бубера // Московский психотерапевтический журнал. – 1994. – № 4. – С. 86–87.

23. Дубровина И.В. Школьная психологическая служба: вопросы теории и практики. – М., 1991.

24. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. – М., 1995.

25. Шувалов А.В. Развитие психологической службы в системе дополнительного образования детей // Вопросы психологии. – 2001. – № 6.

26. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. – М., – 1991.

27. Волосников А., Мухина В. Психологическое сопровождение сотрудников спецподразделений ФСБ // Развитие личности. – 1999. – № 1. – С. 87–104.

28. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. – М., 2009.

29. Деркач А.А. Рабочая книга практического психолога: Технология эффективной профессиональной деятельности: Под ред. А.А. Деркача. – М., 1996.

30. Александрова Е.А. Педагогическое сопровождение самоопределения старших школьников. – М., 2010.

31. Липский И.А. Педагогическое сопровождение развития личности: теоретические основания // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: Сб. науч. трудов. – Волгоград, 2004 – С. 280 – 287.

32. Словарь русского языка: В 4 т. – Т. 4. – М., 1984.
33. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х т. – М., 1956 – Т. 4.
34. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х т. – М., 1956 – Т. 3.
35. *Mead G.H.* Mind. Self and Society. – Chicago, 1934; Мид Д.Ж. Разум, Я и общество (Главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. – Реферат. журнал. – Сер. 11. Социология. – 1997. – № 4. – С. 162–195.
36. *Салливан Г.С.* Интерперсональная теория в психиатрии: Пер. с англ. – М., 1999.
37. *Петровский А., Петровский В.* «Я» в «других» и «другие» во «мне» // Популярная психология: Хрестоматия./ Сост. В.В. Мироненко. – М., 1990. – С.124–128.
38. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М., 1995.
39. *Фромм Э.* Догмат о Христе: Пер. с англ. – М., 1998.
40. Психотерапия – что это? Современные представления / Под ред. Дж.К. Зейга и В.М. Мьюниона: Пер. с англ. – М., 2000.
41. *G. Caplan* Principles of preventive psychiatry. Basic books – New York, London, 1964.
42. *Осухова Н.* Человек в экстремальной ситуации: теоретическая интерпретация и модели психологической помощи // Развитие личности. – 2006. – № 3. – С. 152–167.
43. *Саймон Р.* Один к одному: беседы с создателями семейной терапии: Пер. с англ. – М., 1996.
44. *Бьюдженталь Д.* Искусство психотерапевта: Пер. с англ. – СПб., 2001.
45. *Капра Ф.* Станислав Гроф и Рональд Д. Лэнг // Московский психотерапевтический журнал. – 1992. – № 2. – С. 161 – 198.
46. *Беттельхейм Б.* Пустая крепость: Детский аутизм и рождение Я: Пер. с англ. – М., 2004.
47. *Boadella D.* Transference, Politics and Narcissism// Energy and Character. – 1999. – Vol. 30. – № 1 (September). – С. 32–38.
48. *Людевиц К.* Системная терапия: Основы клинической теории и практики: Пер. с нем. – М., 2004.
49. *Журбин В.И.* Понятие психологической защиты в концепциях З.Фрейда и К. Роджерса // Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 14–22.

50. Мухина В.С. Психологическая экспресс-помощь в чрезвычайных ситуациях масштабных катастроф // Психология экстремальных ситуаций / Под ред. В.В. Рубцова, С.Б. Малых. – М., 2007. – С. 56–76.
51. Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода или как создать свою школу в психотерапии. – М., 1999.
52. Мухина В. Рефлексия на себя и других: Сорок лет фильму «Я и другие» // Развитие личности. – 2011. – №1. – С.166–180.
53. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010.
54. Ярулов А.А. Коррекция негативной психической напряженности детей дошкольного и младшего школьного возраста в условиях детского дома: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1996.
55. Сидоришин Ф.А. Психологические инициации как средство повышения эффективности межличностного общения и рефлексии у подростков во временных объединениях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1999.
56. Мухина В.С. Басюк В.С. Инициации подростков как условие личностного роста. – Иркутск, 2011.
57. Шадура А.Ф. Пространственно-временная модель психологической реабилитации личности детей, эвакуированных из зоны военных действий в Чеченской Республике // Мир психологии. – 2002. – № 3. – С. 258–270.
58. Осухова Н.Г. Между поддержкой и доразвиванием: психологическое сопровождение подростков, переживших насилие // Развитие личности, 2004 – № 1. – С. 176–189.
59. Горянина В.А. Психокоррекция стиля взаимодействия. – Дисс. ... д. психол. наук. – М., 1996.
-